

ЛУЧЕЗАРНАЯ БАЛЕРИНА

К 90-летию со дня
рождения Е. В. ГЕЛЬЦЕР

НЕЗАМЕТНЫЙ, тихий переулочек в самом центре Москвы. Серый дом, испещренный мемориальными досками... Сколько раз приходилось мне подниматься на верхний этаж и звонить у двери с бронзовой дощечкой «Е. В. Гельцер»!

Дребезжащий звонок, хриплый лай собаки, долгое шарканье туфель допотопных старух, окружавших великую балерину, и обычный окрик из глубины квартиры: «Кто там?».

Все здесь было особенное: и мебель, и фарфор, и неизменные живые цветы, и множество картин — миниатюрный филиал Третьяковской галереи, и среди всего этого — сама хозяйка — легендарная артистка. Казалось, что попал в сказку. Однако подлинное волшебство начиналось, когда Гельцер принималась рассказывать.

Ее речь напоминала книгу со многими сносками. Порой она отвлекалась далеко в сторону, чтобы неизменно возвратиться и продолжать первоначальный разговор. Записывать и делать заметки было выше сил человеческих — обязательно заслушаешься и перестанешь писать. Все же иной раз кое-что удавалось...

...Первые годы становления советского балета. Все смутно, все неопределенно. Нужен ли вообще классический балет? Гельцер его всюду отстаивает, она верит в свое любимое искусство. В Колонном зале Гельцер случайно встречается с Владимиром Ильичем Лениным, и разговор, конечно, идет о балете. Она не скрывает своих сомнений — нужен ли и понятен ли классический балет в современных условиях, и слышит уверенные слова главы Советского государства о том, что подлинное искусство всегда понятно народу. Это навсегда запоминает Екатерина Васильевна.

В 30-х годах Екатерина Васильевна все реже и реже появляется на сцене Большого театра. В этот период она всемерно развивает очень трудную в тогдашних условиях широкую пропаганду балетного искусства в массах — Гельцер превращается в «кочующую» балерину, выступает на фабриках, заводах, в сельских клубах и в домах культуры. Артистка несет свое искусство в народ.

Шли годы, Екатерина Васильевна все меньше выступает на сцене. Казалось, путь Гельцер-балерины закончился, однако, занавес еще не был опущен.

Суровый 1941-й год. Война. Москва опустела. Везде надолбы, мешки с песком, заколоченные окна. И вдруг на Тверской невероятное зрелище. Идет Екатерина Васильевна Гельцер в шерстяном платке, а в руках белая пена балетных пачек. В чем дело? «А как же, дорогой, время какое! Надо работать. Даю концерт в ВТО, буду танцевать в фонд обороны». И она танцевала. Зал был переполнен. С благоговейным вниманием следили зрители за искусством артистки. Конечно, возраст давал о себе знать. Но все же балетная молодежь следила за каждым ее движением и училась неповторимой ее манере — четкости и законченности поворотов головы, выразительности пальцев рук, блеску каждой позы.

В этот раз занавес был опущен до конца, но жизнь продолжалась. Она посещала балетную школу, давала советы и консультации молодым танцовщицам и подолгу молча беседовала со своими картинами.

Гельцер любили и уважали. пышно справляли ее юбилей, и дни рождения. И пришел день, когда Екатерины Васильевны не стало. Казалось, ее забыли в городе — вот уже четверть века она не показывалась на сцене. Однако обширное фойе Большого театра было полно, внизу в вестибюле — давка, на площади под колоннами толпы народа. Москва провожала свою балерину...

Теперь, когда я прохожу тихим переулочком в самом центре Москвы, я всегда смотрю на дом, где она жила. Он изменился — появились на нем новые бронзовые мемориальные доски. В отличие от них барельеф Гельцер из белого мрамора. Скульптор запечатлел ее в самом расцвете ее таланта. Она вся лучезарная, такая, какой была в жизни, и невольно подумаешь, как хорошо, что она была.

Юр. БАХРУШИН.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

г. Москва

26 НОЯ 1966